

ЕВГЕНИЙ ЧЕБАЛИН

АДЪЮТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ДУХА

*Беседа с художественным руководителем Малого театра
Соломиным Юрием Мефодьевичем*

Перед вами – диалог с уникальной в истории театрального искусства личностью: художественным руководителем Малого театра, возглавляющим прославленный коллектив почти тридцать лет. Этот живой, пульсирующий организм снискал славу и известность в России и на планете тем, что долгие годы аккумулировал и отдавал миллионам зрителей энергию добра, сострадания, человечности. Это единственный театр в России, являющийся членом театрального Совета Европы, которому Указом президента России присвоен статус национального достояния – как Большому театру, Третьяковской галерее и Эрмитажу. Перечислить звания и регалии Юрия Мефодьевича Соломина в этом материале нет возможности – они займут страницы. Беседа с ним нередко выходила за рамки театрального искусства: мнение Мастера о сиюминутном времени, об истории, педагогике, о театре, о событиях в России и мире, думается, будет столь же интересно читателю, как и профессиональное дарование Юрия Соломина – первого среди равных, несущего соотечественникам через свой театр национальные, русские традиции.

Евгений Чебалин: Юрий Мефодьевич, мы живём в жестокое время для нашей страны, против которой развязана третья мировая война. Эта жестокость наиболее беспощадна и разрушительна для всей нашей культуры, в колбе которой Запад выращивает человекообразного гомункулуса – Хама безродного и бесстыдного. Ныне этот субъект нередко внедряется и в театр – в качестве режиссёра.

Вы и ваш театр выситесь над этим патологическим разгулом незыблемой колокольней, русским национальным храмом, откуда разносится над Русью и Европой духовный перезвон истинного искусства. Под этим явственно просматривается изначальная – детская платформа: врождённая тяга к высокой культуре. Изысканный режиссёрский и актёрский вкус, исповедуемая вами глубинная, классическая мировая культура могли зародиться и окрепнуть лишь в детстве. Каким оно было – ваше детство?

Юрий Соломин: Приверженность и исповедальное служение культуре закладывается именно в детстве. Я ходил в школу-сруб, который топился печкой. Чтобы начать учебный процесс, учителям и ученикам нужно было заготовить дрова, нагреть школу, разгрести сугробы, научиться азам какого-либо

ремесла, переделать массу необходимой работы, которая творилась совместно. Это сближало, и это была та почва, на которой всходили ростки взаимного уважения, любознательности, терпимости – на всю оставшуюся жизнь. Помню и сохраняю сердечную привязанность к своей первой учительнице – Наталье Павловне Большаковой, надеюсь, как и она ко мне. После окончания школы она следила за мной, как и за остальными учениками: писала мне письма, разбирала фильмы с моим участием и делала замечания. Помнят и нежно относятся к ней и мои одноклассники. Жизнь разбросала нас по разным городам, профессиям: полковник, врач, учёный, инженер, артист. Но мы, собираясь, вспоминаем Наталью Павловну с не остывающим теплом.

Е. Ч.: Ваше детство протекало в Чите. Чем обогатил вас этот забайкальский город? Что запомнилось более всего?

Ю. С.: Культурной жизнью. Массовым, каким-то неистовым поклонением культуре. Мои родители были музыканты, так сказать – местного, забайкальского разлива. В конце 20-х годов оба поступили в Ленинградскую консерваторию, успешно учились в ней. Но мама заболела, почти утратила слух, и они вынуждены были вернуться в Читу. Вернувшись, родители посвятили свою жизнь тому, без чего не могли жить – искусству. Благодаря им, я, “выдёргиваемый” ими с футбольного поля, смотрел и постепенно очаровывался многими операми в театрах Читы и Улан-Удэ, Иркутска. Там была едва ли не лучшая оперетта в СССР. Мы слушали приезжавшего на гастроли Вертинского, сопереживали актеру Зубову, наезжавшему из Манчжурии, Каширскому, Муринскому, Загурскому и многим другим корифеям того времени.

Дома стояло пианино. Мама и отец играли на нём. Отец, Мефодий Викторович, играл виртуозно на всех струнных инструментах, организовал струнный оркестр. Мама, Зинаида Ананьевна, прекрасно пела. Оба преподавали музыку, вели музыкальные кружки в городском Доме пионеров, Доме железнодорожников, Доме народного творчества, который выпестовал отец. Эта была самодеятельность, но высочайшего уровня. Достаточно сказать, что воспитанники папы стали потом профессионалами: бас Лхасаран Линховоин признан впоследствии лучшим в Советском Союзе исполнителем партии Кончака в “Князе Игоре”, а затем стал одним из самых успешных в стране директоров оперного театра в Бурятии. Виктор Кулешов – солист музыкального театра имени Станиславского, Заслуженный артист. Впоследствии он руководил Казачьим народным хором.

Е. Ч.: Уникальное время раскрепощенного народного Духа, который, как государственный приоритет, культивировала в стране Советская власть. Вы описали культурную жизнь Забайкалья, а я тепло, с ностальгией вспоминаю аналогичный, удивительно схожий процесс на другом конце Союза – в Чечено-Ингушетии. Моё детство прошло в Чечен-Ауле. Но и там к нам приезжали солисты филармонии, драматический театр им. Лермонтова и симфонический оркестр из Грозного, а отцы и матери моих друзей помогли сколотить в ауле небольшой струнный оркестрик из шестиклашек. Мы давали концерты в клубе, играли на торжествах, на свадьбах и на танцах в клубе. Затем, во время учёбы в институте, многие из студентов пели у нас в операх знаменитого на весь Северный Кавказ Грозненского народного оперного театра при Доме культуры им. Ленина – под управлением блестящего худрука и педагога Виктора Анатольевича Соколова, поставившего в театре около десяти опер. Мой сокурсник чеченец Ахмед Гучигов был признан впоследствии на Кавказе лучшим исполнителем партии Ленского в “Евгении Онегине”. У нас почти год пел Онегина и Риголетто прибывший из Баку выпускник Бакинской консерватории Муслим Магомаев, который не сработался с руководством Бакинской филармонии. Солист оперы бас Эдуард Стадниченко, закончив нефтяной институт, ушёл из нефтяного кадрового бомонда и всю остальную жизнь посвятил опере, был солистом оперного театра Донецка. Во время службы в армии я был солистом и концертмейстером в ансамбле песни и пляски Краснознамённой Каспийской флотилии. Рая Кошелева, Эмма Орлова, Эдуард Эйдлер, выйдя из альма-матер Соколова, тоже стали оперными певцами-профессионалами.

Ю. С.: Поклонение культуре действительно плескалось морем разливанным по всей территории Советского Союза. И у него были свои Прометей-учителя. Этот феномен Советского государства не забыт, бережно хранится в памяти у миллионов. Не столь давно на гастролях в Ростове-на-Дону,

на пресс-конференции ко мне подошла женщина и сказала, что знает, помнит и любит моих родителей, их музыкальное служение народу, назвала их имена-отчества. Я не смог сдержать слёз. Их душевный свет плеснул в меня из прошлого. Это стало возможным, превратилось в повседневную реальность благодаря неисчерпаемой, генетически заложенной в славянстве тяге к гармонии и нравственной чистоте. В них пульсировал врождённый талант творцов, которым в полной мере обладали народные педагоги – ваш Соколов, мои родители, мои педагоги и соратники в Щепкинском училище: Игорь Ильинский, Вера Пашенная, Михаил Царёв и тысячи им подобных. Их чтят и помнят. Моя супруга Ольга Николаевна, с которой мы вместе учились у Пашенной, теперь – преподаватель Щепкинского училища, профессор, однажды предложила: давай назовём наш курс именем Веры Николаевны Пашенной. Назвали. Не так давно идём на выпускной экзамен четвёртого курса им. Веры Пашенной. Зашли в вестибюль с портретами наших великих учителей и замерли: под портретом Пашенной свежие цветы – у неё день рождения. Студенты знают её, чтят, преклоняются: память о ней жива.

В России лучшие в мире театральная, вокальная, балетная, научная школы. Это стало неоспоримой реальностью потому, что у нас были тогда совершенно другие, в отличие от европейских и мировых, взаимоотношения между учителем и учеником, во многом напоминающие семейные. Это не заскоружный, командорский диктат мастера подмастерью. У нас учитель не только и не столько учил. Он, в первую очередь, воспитывал. Он вкладывал во вверенное ему существо чувства и душу, он делился с ним своим мироощущением и мировоззрением, обогащал подопечного взрослым опытом, тем самым оберегал от невзгод и будущих потрясений. Вероятно, именно это позволило выжить, сохранить миллионам свое достоинство, духовное “я” в хаосе, который обрушила на нас перестройка.

Советская педагогическая школа – уникальное мировое явление. Она воспитывала в своих подопечных духовный “Русский мир”, в котором одинаково комфортно чувствовали себя 197 национальностей Советского Союза, говорящих на 299 языках и наречиях.

Е. Ч.: Русский мир – как мировоззренческая парадигма “Я – для мира”.

Ю. С.: Русский мир – это полифония, симфония, которую веками творили наши предки, ковали традиции в хлебоборобстве и на ратном поле, где не было места выгоде, гешефтмахерству и ростовщичеству. Её стержневая тема, основной лейтмотив не “выгодно-невыгодно”, а “справедливо-несправедливо”.

Е. Ч.: Вы говорите о деянии учителей в прошлом времени: “учили”, “воспитывали”, “вкладывали”, “возводили”. Это не случайно?

Ю. С.: Не случайно. Функционеры от образования изуродовали саму миссию учителя, приравняв её к ремеслу банщика, массажиста, косметолога, обязанных ублажать тело на ложе потребительской технократии и её примитивного ЕГЭ, а не обогащать душу гармонией. Сколько я об этом говорил, взывал, предостерегал как актёр, режиссёр, педагог. Мы ещё долго будем ощущать катастрофические последствия этого ига.

Е. Ч.: “Учитель... позволь пред именем твоим смиренно преклонить колени”. Не столь давно все мы пережили, можно сказать, явление нового министра образования народу Ольги Юрьевны Васильевой. Явление сопровождалось воплями либерал-образованцев из ливановской компании после того, как Васильева озвучила свое видение российского образования, свою предстоящую миссию в нём. Ключевая фраза, стержень этой миссии: “Учитель, врач, священник – это не специальность. Это служение”.

Ю. С.: Её дополняют долгожданные намерения нового министра реанимировать лучшее из советской образовательной системы. Чего стоит убеждение: “Без трудолюбия... без навыков трудиться ежечасно, ежесекундно... мы не сможем жить”. И, в соответствии с этим, внедрение в школы фундаментальной программы полномасштабного трудового воспитания. Ольга Юрьевна программирует поистине революционный по нынешним временам постулат: прекратить воспитывать потребителя и оздоровить ЕГЭ. Ведь каждый год переживают стресс многие тысячи выпускников, не сдавшие экзамен. Ныне им дано право: сдать русский язык, математику и получить диплом о среднем образовании. Будет запущен процесс пересмотра варварски сотворённого,

зачастую бездумного объединения вузов. Не менее революционный сдвиг: введение “Золотого канона” — обязательный для изучения список школьной литературы. Это должно сформировать у детей, по словам министра, “целостное воспитание русской литературой, а значит — русской культурой”. Проблема бескультурья, безграмотности поистине вопиюща в наши дни. Кто ныне поступает в вузы? Не столь давно мы принимали вступительные экзамены в нашу “Щепку”. Спрашиваю у абитуриента: что читал в последнее время? Отвечает: Достоевского. Что именно у Достоевского? Юноша долго растерянно мнётся, морщит лоб, наконец, отвечает: “Рассказ. Что-то про деревню”. “О чём рассказ? Как называется деревня?” В ответ — полный ступор. Чувствую: кипят клиповые, айфонные мозги у бедолаги от перенапряжения. Подсказываю: “Село Степанчиково?” “Да!!” Радость безмерная на лице великомученика: наконец добрались до истины.

Васильева, конечно же, знает о подобном уровне. И намерена, вопреки всей травле, сопротивлению, поднимать его на должный, прежний уровень — лучший в мире. За это ей большое спасибо. Ведь именно в школе зарождаются навыки, мировоззрение и характеры будущих экономистов, министров, депутатов, директоров заводов. И от того, каков будет их нравственный, интеллектуальный уровень, зависит благополучие народа и статус нашего государства в мире.

Е. Ч.: Юрий Мефодьевич, вы сыграли в 60 фильмах, 52 спектаклях своего театра, среди них вдумчивые, задушевные роли в кино “Бессонная ночь”, “Даурия”. И как апогей вашей актерской киносудьбы — капитан Кольцов в “Адъютанте его превосходительства”. Поистине неодолимым магнитом он притянул к себе восторженное почитание и любовь миллионов зрителей. Почти месяц вся страна ломилась вечерами к экранам телевизоров, чтобы насладиться образом великолепного чекиста, озарённого Красной идеей, но надёжного неповторимым дворянским шармом и государственным разумом. Вам противостоят созданные мастерской режиссёрской рукой противники из стана Белой гвардии. К чести режиссёра Евгения Ташкова, эти личности не примитивизированы, он отверг карикатурную трактовку. На российской необъятной арене не на жизнь, а на смерть схлестнулись две великие, трагические правды, у каждой стороны — своя. И эта правда по-прежнему, вот уже столетие, бурлит либо угрюмо тлеет в наших соотечественниках, разъединяя их: здесь и в зарубежной эмиграции.

Просматриваю исторические исследования функционеров ЦК КПРФ, читаю “Правду”, статьи маститого, профессионального критика в прессе — старорого коммуниста. В их позициях непримиримо бурлит непререкаемый большевизм. Всё дурное: крепостное право, самодуры и хапуги городничие, нищета крестьян — всё порождение сатрапов Романовых. Если Столыпин, то при нём непременно “столыпинские галстуки и вагоны”, а также разгром крестьянской общины, если Романовы, то обязательно их порождение — “кровавый Николашка”. В своих зарубежных поездках я нередко слышал от наших соотечественников иные, не менее закостеневшие обвинения Советам: “красный террор”, “грядущий хам” и прочее — из “Окаянных дней” Бунина. Плюс — обвинение в репрессиях 36–38 года. В нашем государстве мало найдётся семей, которых не зацепил размах “сталинских чисток” в эти годы. Вашей семье они коснулись?

Ю. С.: Напрямую. 30 декабря 1938 года был арестован мой дед — без права переписки. Зачастую это означало расстрел, но он был закамуфлирован этим ярлыком — “Без права переписки”, и подвешивал семью “врага народа” в мучительной неизвестности на долгие годы. После ареста мы годы жили в каком-то подвале, помню три сырых, скользких ступени вниз. В 1955 году в наш подвал впорхнул какой-то важный, правительственный документ. Бабушка прочла, у неё подкосились ноги. Нам сообщали, что дед реабилитирован.

Я не испытываю восторга перед Сталиным, хотя и не присоединяюсь к тем, кто охаивает его с пеной у рта. Просто надо понять: каждому времени, ломящемуся к своей цели, соответствуют средства её достижения. В конечном счёте, Советская власть дала мне и тысячам моих коллег по искусству то, что я теперь имею: любимую профессию, признание и возможность служения музам.

Е. Ч.: Самое время задаться сакральными вопросами: из какого источника, у кого учились военному делу советские маршалы Жуков, Буденный, Тимошенко? Кто обогатил изначальным научным багажом Нобелевского лауреата, советского учёного Ивана Павлова, теоретика и пророка советской космонавтики Циолковского? Где получили блистательную школу балерина Павлова, хореограф Петипа, бас Шаляпин, писатель Горький, создатель Третьяковской галереи Третьяков, композиторы, пианисты Кабалевский, Глиэр? С чего бы это товарищ Ленин “слямзил” идею ГОЭЛРО у его превосходительства Столыпина?

Какова ваша позиция в этой почти столетней химере противостояния “белого” и “красного”, разбросавшей нас по разные стороны баррикады. Вы чей, Юрий Мефодьевич?

Ю. С.: Вы поставили меня в сложное положение. Думаю, что мыслящие личности по обе стороны обветшавшей за годы баррикады, за исключением ортодоксов, давно и мучительно жалеют и скорбят о случившемся противостоянии и, вследствие этого, — оскудении русского генофонда. Нас травнили в революцию и Гражданскую войну для того, чтобы мы иссякли силой и разумом, ведь в схватках погибали лучшие. Белые и красные того времени были совсем иные. И в том, и в другом лагере хватало как праведников, так и негодяев.

Всю свою сознательную жизнь я служу театру, исповедую красоту и гармонию. И потому преклоняюсь перед великой русской культурой, личностями, которых подарила нам эпоха Романовых: Фонвизина, Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островского, Чехова, всех Толстых. И чем дальше во времени они отдаляются от нас, тем величественнее становятся. Их знает весь мир. Поэтому в своих знакомствах и своих контактах с коллегами по ремеслу я вполне объяснимо избегаю Иванов, не помнящих родства. И ценю тех, кто сохраняет в памяти имена и творения этих великанов Духа.

Мы были на гастролях в Париже, играли в Версале “Дядю Ваню” и “Вишнёвый сад”. На спектакль пришли эмигранты первой волны — с томиками пьес Чехова, чтобы следить за текстом. Пришло старое русское дворянство: князья, графы, их родственники и домочадцы с детьми, внуками, правнуками. Многие из них плакали на спектакле. После спектакля мы долго беседовали с ними и были потрясены их верностью Родине: они не растворились в инородчине, приютившей их, бережно сохранили язык, любовь к России, её гениям, её традициям.

Е. Ч.: Слёзы зрителей на спектакле. Это как Георгиевский крест, как медаль “За отвагу” в сражении. Идёт не прекращающееся сражение за людские души. Сейчас эта схватка в апогее, воспалена до предела. Поэтому так важна реанимация театров, способных порождать не ржание доморощенного олигофрена на первом “мажорном” ряду, а “добывать” сострадание и слезу на своих спектаклях.

Ю. С.: Особенно, если это слеза ребёнка. В давнем случае — еврейского. Помню гастроли в Израиле. До этого в Москву приехал их менеджер, смотрел практически все театры. Наконец приглашает нас в ресторан ВТО. Делится впечатлениями от просмотренных спектаклей и вгоняет в шок: “Ваш театр для меня вне конкуренции. Первыми хочу видеть в Израиле вас. С “Царём Фёдором Иоанновичем” и Чеховым”. Кстати, знаю многих менеджеров из Европы, которые приезжают к нам в Москву и на периферию — в губернии, отбирают актеров, спектакли, поставленные в традиционном стиле, без шокирующих выкрутасов, и прокатывают их по своим городам, относясь к нашей сценографии с предельной бережливостью. Европа высоко ценит русскую, традиционную, театральную школу, систему Станиславского, заимствует у нас лучшее, в отличие от нас.

Е. Ч.: Израиль... еврейский менеджер... в Москве того времени много его этнических соплеменников: Плучек в Сатире, Эфрос на Малой Бронной, Любимов в театре на Таганке, Розовский “У Никитских ворот”. Но безальтернативно зван на гастроли в еврейское государство русский традиционный Малый театр, с исконно русским репертуаром. В чем, по-вашему, “волапюк” израильского менеджера?

Ю. С.: В величии русских, всечеловеческих ценностей, которые исповедует наш театр: любовь, сострадание, осуждение порока. Они понятны

и близки всем нациям и народам. Но – к израильской слезе ребёнка... Мы отыграли Чехова, “Вишнёвый сад”, занавес. Овации вставших зрителей. А на переднем ряду сидит и безутешно плачет мальчишка, родители пытаются его утешить. Мы завели их на сцену, спрашиваем: что случилось, отчего слёзы? И слышим в ответ потрясающее признание от малыша: “Дедушка Фирс умер... жа-а-алко!”.

Мы смеёмся, успокаиваем: ах ты жалостливая кроха, успокойся, не умер дедушка, жив. Не верит, плачет. Я зову: Носика из гримёрки на сцену, быстро! Приходит Валера Носик, ещё в гриме, мы всё ему рассказываем. Он садится на корточки перед мальцом: вот он я, живой и здоровый! Можешь потрогать. Малыш трогает и успокаивается. Подобное врезается в память навсегда. Это можно нести по жизни как самую высшую награду.

Е. Ч.: К сожалению, недоступную ныне многим – если не большинству. Вы отважились взять на себя функции иммунной системы русского театра, сражаясь против бактерий чванливого самодурства так называемой “элитарной” режиссуры, её невежества и бесстыдства. Ныне этими бактериями во многом заражён наш традиционный театральный великан. И всю эту вакханалию курирует СТД. Вам в нём комфортно?

Ю. С.: Я не состою в СТД. Вышел из него давно, хотя и обладатель “Золотой маски”. Дали, вероятно, за долголетние заслуги в театре. Я не хочу состоять в организации, где корёжат, уродуют классиков. Яшу (слугу из “Вишневого сада”) режиссёр заставляет “заниматься любовью” на сцене со слушанкой Дуняшей. Но этого нет и не могло быть у Чехова! После подобных сцен в то время всю труппу вместе с режиссёром городской отправил бы принудительно в сумасшедший дом!

Е. Ч.: Из этих же “эскириментов”: на авансцене публично мочатся, справляют туалетную нужду. Режиссёр выходит на сцену к зрителю нагишом, прикрывшись театральной программкой...

Ю. С.: ...Раневская волею режиссёра посажена ни иглу, она наркоманка. Чехов, вероятно, переворачивается в гробу от творящегося: классиков русской драматургии нещадно корёжат со своей “кочки зрения”, обезьянничают. Делается всё, даже самое непотребное, чтобы затащить зрителя в театр и заработать деньги. Я двадцать пять лет играю царя Фёдора, и двадцать пять лет зритель идёт на спектакль, где нет трескучего авангарда, нет трюкачества и вычурной завлекаловки, а есть подлинные, высокие человеческие страсти, есть история России. Если мне будут платить за игру не рублями, а долларами, я разве стану лучше играть? Цель заработать деньги, валюту – не главная, хотя многие театры сброшены в каторжный режим самоокупаемости. Но мы не зарабатываем деньги, мы обязаны исповедоваться перед зрителем, нести ему идеи гуманизма, добра, сострадания, которые заложил классик в пьесу. У театра и СТД жизненно важная миссия: художественными средствами приобщить зрителя к генеалогии предков, напитать его память и самосознание гордостью за принадлежность к своей, великой, никем не искажённой истории. И зритель верит нам, идёт в театр, чтобы познать не только её, но и самого себя в ней.

К слову: СТД ныне начинает меняться, становится более вменяемым. Думаю, что это заслуга министерства культуры.

Е. Ч.: Вы сказали “великой, не искажённой истории”. Несколько лет назад я побывал на истерически распиаренной, “мировой премьеры” Ростроповича, Слонимского и Стура “Видения Иоанна Грозного”. Это была сценическая бурда из русофобии, тотальной лжи вне Соловьёва, Ключевского, Карамзина, ненависти к одной из великих фигур нашего русского социума – Иоанну IV. После рецензии на этот пасквиль в газете “Завтра” “Шизофренические видения Ростроповича” на мою электронную почту хлынули отклики. В том числе и претензии молодежи. Их суть: да, спектакль льёт помой на нашу историю. Но “куда пойти, чтобы было интересно, чтобы с нами разговаривали на нашем языке?”.

Ю. С.: На кастрированном интернет-языке вперемешку с матом? Этот язык подходит для тыкания кнопок в компьютерах и айфонах, когда практически отключаются мозги. С какой стати мы должны учитывать мыслительный уровень этой категории, ориентироваться на неё, идти у неё на поводу? Такой

зритель у нас, к счастью, не преобладает. На спектакли приходит много умной молодёжи, чудом сохранившей интеллект. И её нужно оберегать, готовить репертуар, ориентироваться на неё – на будущее России. А для современных бой-френдов нужно уже, наверное, другое. Мы трагически упустили их ещё на стадии начальной школы. Внуков украли у нашего поколения. На них необходимо иное воздействие, из метода Макаренко, связанной с трудотерапией, которую намерена ввести в программы школ и профессиональных, может специальных, учебных заведений новый министр Васильева.

Е. Ч.: Стержневая тематика театра: исторические личности.

Бисмарк у пруссов и его арийский двойник у руссов Столыпин – это пара социо-национальных гигантов XVIII–XIX веков, бесстрашно повернувших штурвалы империй навстречу девятому валу революций от Ротшильдов, Парвусов и Рокфеллеров. И они со всей геополитической мощью победно оседлали этот вал, загнав хищные деньги банкиров в государственную клетку. И лишь после их кончины революции вцепились в горло Германии и России. Любопытный штрих: Бисмарк, будучи посланником Вильгельма при дворе Александра II, звал к объединению политических и военных потенциалов двух империй, делал всё возможное для этого, пророчески предвидя итог подобного симбиоза: несокрушимое могущество германских и славянских ариев на планете, исповедующих трудолюбие, лад и независимость.

Юрий Мефодьевич, вы не чувствуете некой бреши в репертуарном ряде театра без этих фигур – Бисмарка и Столыпина?

Ю. С.: Вероятно, брешь есть. Мы сознаём особый статус этих исторических фигур. Но репертуар театра верстается в тесной взаимосвязи с драматургическим материалом. Если есть пьеса соответствующего уровня – надо решать вопрос о взятии её в репертуар. К сожалению, пока у нас нет драматургии подобного плана, соответствующей этим личностям. Но продолжим разговор о тематической бреши. В своё время я остро чувствовал настоящую необходимость поведать россиянам о незаслуженно забытой гигантской фигуре Миклухо-Маклая – здесь была художественная, информационная брешь для России. Есть улицы Миклухо-Маклая, заповедники, пароход. Но каков он как человек? Миклухо-Маклай приезжал в Европу, и его принимали в своё время, как принимали в XX веке Юрия Гагарина. Его имя до сих пор знают дети в Новой Гвинее, а его самого называют “человеком с планеты луна”. И обо всей этой фактуре появился сценарий. В итоге я снял трёхсерийный фильм “Берег его жизни” о Миклухо-Маклае. Как эпилог: Миклухо-Маклая принимал и очень долго беседовал с ним на равных сам канцлер Бисмарк. Круг замкнулся: наша планета – одна уютная квартира для таких личностей.

Е. Ч.: На Руси под игом Золотой орды построил монашескую обитель на берегу реки Кончуры преподобный святой Сергей Радонежский. Главным стержнем этого творения был Устав монастыря (ныне – Сергиево-Троицкий лавра), который обязывал монашескую братию “жить плодами рук своих в добросердечии и согласии”. Ваш театр в окружении “чужебесия” тоже своеобразный монастырь со своим Уставом, где актёрские нравы и эмоции далеко не монашеские. Но вот уже много лет вы ведёте по жизни уверенной рукой этот живой, бурлящий страстями организм, ведёте по штормам и передрягам постсоветской России, руководствуясь уложением Сергия Радонежского: жить в просветительских трудах, “плодами рук своих”. Вы избирались и переизбирались коллективом многократно, ибо столь же многократно проводили этот восьмисотчеловечий ковчег между Сциллой раздора и Харибдой распада. Разламывались и распадались на антагонистические концепции Таганка, МХАТ, “Современник”. А вы лишь крепили и обретали мировую известность, бережно сохраняя традиционность. Чего бы вы хотели от власти ныне? Какое участие её в ваших делах и заботах было бы для вас предпочтительным?

Ю. С.: Чтобы в наш “монастырь” не совались с чужим Уставом, чтобы наш статус был избавлен от каких-либо повелительных распоряжений и наставлений. Они предельно необходимы ныне для театральных “авангардистов”, о которых мы говорили выше. Но пока на них навешивают, в качестве поощрения, “Золотые маски”.

Помню выражение глаз у Михаила Ивановича Царева, когда в Малый театр пришло распоряжение сверху: “Сократить коллектив театра на 25 процентов”. Он прочел его перед трупной на худсовете. Обвел актёров взглядом.

Вздыхнул, переспросил: значит, на двадцать пять процентов? И положил бумагу в стол: “Что ж, будем думать”. Думаем до сих пор. И сохраняем сотрудников, актёров с их опытом, можно сказать, пожизненно.

Ещё одно пожелание – сроки присвоения званий: “Заслуженный”, “Народный”, “Лауреат” и прочее. Немыслимо, недопустимо, когда артист, сжигающий свои нервы, психику на сцене годами, ждёт этого присвоения двадцать лет. Да он сгорает, не дождавшись заслуженной награды! Она становится практически не нужна пеплу, в который превращается его душа и сердце.

Е. Ч.: Есть рассказ о капитане рыболовного сейнера, вышедшего на промысел. Неделю рыбы нет. Команда ропщет. Вторая неделя безрыбья. Команда в ярости. Назревает бунт, капитана поносят, шельмуют: какого чёрта торчишь на капитанском мостике, если не можешь найти рыбу?! Третья неделя с пустыми сетями: над палубой дикий рев вперемешку с адресным матом. Наконец, капитан выводит сейнер на рыбы косяки. Три дня бешеной работы, и сейнер с полными трюмами развернулся к дому. Капитана качают, обливают покаянной патокой. После чего он идёт в каюту и пускает себе пулю в лоб. Вы сами когда дождались присвоения?

Ю. С.: Я получил “Заслуженного” в 39. До этого звание лежало в столе какого-то чиновника несколько лет. Но вмешался его величество случай. Прихватил меня радикулит, да так свирепо, что без костылей двигаться не мог, так и являлся на репетиции. В театр зачем-то прибыла Фурцева. Входит в лифт, а там я спускался. Спрашивает: ты чего с костылями? Отвечаю всё как есть – радикулит, Екатерина Алексеевна, будь он неладен. “А что ж тогда на работе?”. Отшучиваюсь: так без меня театр станет. “Даже так? Ну, выздоравливай”. Вышла. И через две недели пришло распоряжение о присвоении “Заслуженного”.

Е. Ч.: В прошлом начальник Управления театрами Грибанов совместно с ВТО создал при Министерстве культуры СССР постоянно действующие драматургические семинары. На них выступали с обзорами театральной жизни страны блестящие критики Владимир Бондаренко и Юрий Любимов, оттачивали мастерство драматурги: сибиряки Зот Тоболкин, Роман Солнцев, Александр Вампилов, камчадал Владимир Космачевский, белорус Анатолий Дударев, татарин Юнус Сафиуллин, москвич Михаил Варфоломеев. Мы, можно сказать, заполонили репертуары московских театров того времени, меня поставили в театрах Сатиры и им. Вахтангова, остальных – на Малой Бронной, театре Ермоловой, театре им. Станиславского.

Наползала перестройка. И её прозападные кураторы в ЦК, в противовес этой драматургической когорте, где чтились традиции русского театра, предложили драматургу Розову создать нечто вроде творческого инкубатора, где бы он воспитывал молодых драматургов с “новым мышлением”.

В этой экспериментальной колбе зародилось обильное финансируемое племя разухабистых драмоделов, которое вдруг отпочковалось от нравственной сценографии самого Розова и самым вульгарным образом вписалось в разрушительный шабаш перестройки с “хромым бесом” Александром Яковлевым. Помню восторженный пресс-катаклизм того времени по поводу пьесы Арро “Смотрите, кто пришёл!”, драм-иезуитчину Петрушевской, Галина и прочих.

Драматургия, её воздействие катарсисом на миллионы зрителей всегда были мощной платформой, на которой строилась идейная, нравственная парадигма нации. И она всегда была под прицелом врагов.

Малый театр стал всероссийским, европейским центром духовности. У вас не появлялась мысль о создании при театре совместно с министерством культуры некой секции (семинара, курсов), чьей миссией станет возрождение исконно национальной, нравственной драматургии?

Ю. С.: Если не ошибаюсь, подобные семинары или курсы есть, действуют при СТД и их региональных отделениях. Но мы в них не участвуем. Мне знакомы фамилии драматургов, которые вы перечислили – и грибановских, и воспитанников Розова. Сам я неоднократно играл в его пьесах. Это была добротная, действительно традиционная драматургия.

Мне всё время предлагают роли в кино. От многих я отказываюсь – не хочу тратить время и энергию на заезженное клише из ментов, олигархов и их любовниц. Есть и очень хорошие сценарии. Но на такие, как правило, у ру-

ководства и TV нет денег. Гнетёт ощущение, что кинематограф Феллини, Бергмана, Куросавы, Тарковского умер. Ему на смену явился серийный андеграунд, где снимают спальню через замочную скважину.

Мы не должны, задрать штаны, бежать за авангардом, где сейчас зачастую правят бал глупость, пошлость. Андеграунды приходят и уходят, а традиционный русский театр, где первична жизнь Духа, совесть и законы эстетики, будет жить вечно. Остаётся надеяться, что судьба позволит дожить до времени, когда на массовую сцену, на киноэкран вернутся великие творения, которые способен породить славянский генофонд.

Е. Ч.: На этом можно ставить точку. Здоровья и новой творческой, фееричной жизни вам, Юрий Мефодьевич, вашим соратникам и единомышленникам по сцене в отреставрированном здании Малого, занимающего в культурной жизни России столь огромное место. Вас однажды назвали “Большой хранитель Малого”. Продолжая мысль, можно добавить: “Малый – хранитель Большой России”.